

Время-не-ждет

Джек Лондон

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Jack London
BURNING DAYLIGHT

Перевод с английского *Веры Топер*

Дизайн серии *Яны Паламарчук*

Художественное оформление *Натальи Каштыкиной*

Лондон, Джек.

Л76 **Время-не-ждет / Джек Лондон ; [перевод с английского В. Топер]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Элегантная классика).**

ISBN 978-5-04-211114-3

Роман-возвращение, благодаря которому к Лондону, после нескольких лет забвения, снова пришли признание и успех.

Увлекательная история мечты и успеха. Книга о свободе быть тем, кем действительно хочешь. Сплав суровой романтики, приключений, авантюризма и любви.

Главный герой — золотоискатель, по натуре настоящий игрок. В гонке за богатством и властью он действует расчетливо и цинично. Вскоре становится миллионером. Однако встреча с женщиной приводит в его душе настоящий переворот и ведет к колоссальному развитию и психологическим метаморфозам.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Топер В., перевод на русский язык.
Наследники, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211114-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Скучно было в тот вечер в трактире Тиволи. У длинной стойки, тянувшейся вдоль бревенчатой стены просторного помещения, сидело всего пять-шесть посетителей; двое из них спорили о том, какое средство вернее предохраняет от цинги: настой хвои или лимонный сок. Спорили они нехотя, лениво цедя слова. Остальные едва слушали их. У противоположной стены выстроился ряд столов для азартных игр. Никто не бросал кости. За карточным столом одинокий игрок сам с собой играл в «фараон». Колесо рулетки даже не вертелось, а хозяин ее стоял возле громко гудящей, докрасна раскаленной печки и разговаривал с черноглазой миловидной женщиной, известной от Джуно до Форт-Юкона под прозвищем Мадонна. За одним из столиков шла вялая партия в покер — играли втроем, по маленькой, и никто не толпился вокруг и не следил за игрой. В соседней комнате, отведенной для танцев, под рояль и скрипку уныло вальсировали три пары.

Приисковый поселок Серкл не обезлюдел, и денег у его жителей было вволю. Здесь собрались золотоискатели, проработавшие лето на Лосиной реке и других месторождениях к западу от Серкла; они вернулись с богатой добычей — кожаные мешочки, висевшие у них на поясе, были полны самородков и золотого песка. Месторождения на Клондайке еще не были открыты, и старатели Юкона еще не знали способа глубоких разработок и не умели прогревать промерзлую землю при помощи костров. Поэтому с наступлением морозов все прекращали поиски, уходили на зимовку в такие крупные поселки, как Серкл, и там пережидали долгую полярную ночь. Делать им было нечего, денег — девать некуда, а развлечений никаких, кроме кабаков и трактиров. Но в тот вечер салун Тиволи почти пустовал, и Мадонна, гревшаяся у печки, зевнула, широко раскрыв рот, а потом сказала стоявшему рядом с ней Чарли Бэйтсу:

— Если здесь веселей не станет, я лучше спать пойду. Что случилось? Весь город вымер, что ли?

Бэйтс даже не ответил и молча продолжал скручивать сигарку. Дэн Макдональд, один из первых кабатчиков и держателей игорных домов на Юконе, владелец Тиволи и всех его азартных игр, побродил, как неприкаянный, между столами и опять подошел к печке.

— Кто-нибудь умер? — спросила Мадонна.

— Похоже на то, — ответил хозяин.

— Ясно, все умерли, — заключила Мадонна и опять зевнула.

Макдональд, усмехаясь, кивнул головой и уже открыл было рот, чтобы ответить, как вдруг входная дверь распахнулась настежь и на пороге показалась человеческая фигура. Струя морозного воздуха, ворвавшаяся вместе с пришельцем в теплую комнату и мгновенно превратившаяся в пар, за клубилась вокруг его колен, потом потянулась по полу, все утончаясь, и в трех шагах от печки рассеялась. Во-

шедший снял веник, висевший на гвозде возле двери, и принялся сметать снег со своих мокасин и длинных шерстяных носков. Роста он был немало, но сейчас казался невысоким, по сравнению с огромным канадцем, который подскочил к нему и потряс за руку.

— Здорово, друг! — кричал он. — Рад видеть тебя!

— Здорово, Луи! — ответил новый посетитель. — Давно ли явился? Идем, идем, выпьем. И расскажешь нам, как там, на Костяном ручье. Ну, давай лапу еще раз, черт тебя возьми! А где же твой товарищ? Я что-то его не вижу.

Другой старатель, тоже огромного роста, отделился от стойки и подошел поздороваться. Вторых таких великанов, как Гендерсон и Луи-француз — совладельцы участка на Костяном ручье, — не нашлось бы во всей округе, и хотя они были только на полголовы выше нового гостя, рядом с ними тот совсем терялся.

— Здорово, Олаф, тебя-то мне и нужно, — сказал он. — Завтра мой день рождения, и я хочу положить тебя на обе лопатки. Понял? И тебя, Луи. Я могу всех вас повалить, не даром завтра мой день рождения. Понятно? Идем выпьем. Олаф, я тебе сейчас все объясню.

С приходом нового посетителя по салуну словно живое тепло разлилось.

— Да это Время-не-ждет! — воскликнула Мадонна, первой узнавшая его, когда он вышел на середину комнаты.

Чарли Бэйтс уже не хмурился, а Макдональд поспешил к стойке, где расположились трое приятелей. От одного присутствия нового гостя все сразу повеселели и оживились. Забегали официанты, голоса зазвучали громче, раздался смех. Скрипач, заглянув в открытую дверь, сказал пианисту: «Время-не-ждет пришел», и тотчас музыка заиграла громче и танцующие пары, словно проснувшись, с увлечением закружились по комнате. Всем было извест-

но, что, раз появился Время-не-ждет, скуку как рукой снимет.

Он повернулся спиной к стойке и, оглядев салун, заметил женщину у печки, смотревшую на него с радостным ожиданием.

— Здравствуй, Мадонна, здравствуй, милая! — крикнул он. — Привет, Чарли! Что с вами такое? Чего приуныли? Гроб-то стоит всего три унции! Идите сюда, выпьем. Эй вы, покойнички! Подходите, выбирайте себе отраву по вкусу. Все, все подходите. Сегодня — мой день, всю ночь гулять буду. Завтра мне стукнет тридцать лет — значит, прощай молодость! А сегодня погуляю напоследок. Ну как? Принимаете? Тогда вали сюда, вали!

— Постой минутку, Дэвис! — крикнул он игроку в «фараон», который уже встал было из-за стола. — Раскинь карты — посмотрим, кто кого будет угощать: я тебя или ты нас всех.

Вытащив из-за пояса тяжелый мешочек с золотым песком, он бросил его на стол.

— Пятьдесят, — объявил он.

Дэвис сдал две карты. Выиграл Время-не-ждет. Дэвис записал сумму на листке бумаги, весовщик за стойкой отвесил на пятьдесят долларов золотого песка и высыпал его в мешок выигравшего. В соседней комнате звуки вальса умолкли, и все три пары в сопровождении скрипача и пианиста направились к стойке.

— Вали, вали сюда! — приветствовал их Время-не-ждет. — Заказывайте, что кому по душе. Сегодня мой вечер. Пользуйтесь, такое нечасто бывает. Ну, подходи все, сиваши, лососинники. Мой вечер, говорят вам...

— Тоскливый вечер, хоть волком вой, — прервал его Чарли Бэйтс.

— Верно, друг, — весело подхватил Время-не-ждет. — Но это мой вечер, я и есть старый матерый волк. Вот послушай!

И он завыл глухо, протяжно, как воет одинокий таежный волк, так что Мадонна вся задрожала и заткнула уши тонень-

кими пальчиками. Минуту спустя она уже кружилась в его объятиях в соседней комнате вместе с тремя другими парами, а скрипач с пианистом нажаривали забористую виргинскую кадрили. Все быстрее мелькали обутое в мокасины ноги мужчин и женщин, и вскоре всех обуяло бурное веселье. Средоточием его был Время-не-ждет; его разгульное удалство, остроты и шутки рассеяли уныние, царившее в салуне до его прихода.

Казалось, самый воздух стал другим, вобрав в себя его бьющую через край жизненную энергию. Посетители, входя с улицы, сразу чувствовали это, и в ответ на их вопросы официанты кивали на соседнюю комнату и многозначительно говорили: «Время-не-ждет гуляет». И посетители не спешили уходить, располагались надолго, заказывали виски. Игроки тоже пробудились от спячки, и вскоре все столы были заняты; непрерывный перестук фишек и неумолчное жужжание шарика в колесе рулетки сливались с гулом мужских голосов, хриплым смехом и грубой бранью.

Мало кто знал Элама Харниша под другим именем, чем Время-не-ждет; это прозвище ему дали давно, в дни освоения новой страны, потому что этим возгласом он всегда подымал с постели своих товарищей. В арктической пустыне, где все жители были первооткрывателями, он по праву числился одним из старожиллов. Правда, Эл Майо и Джек Мак-Квешен опередили его; но они пришли с востока, с Гудзонова залива, перевалив через Скалистые горы. Он же был первым из тех, кто проник на Аляску через перевалы Чилкут и Чилкат. Двенадцать лет тому назад, весной 1883 года, восемнадцатилетним юнцом он перевалил через Чилкут с пятью товарищами. Осенью он проделал обратный путь с одним: четверо погибли в неизведанных безлюдных просторах. И все двенадцать лет Элам Харниш искал золото в сумрачном краю у Полярного круга.

Никто не искал с таким упорством и долготерпением, как Харниш. Он рос вместе со страной. Другой страны он

не знал. Цивилизация была для него смутным сновидением, оставшимся позади, в далекой прежней жизни. Приисковские поселки Сороковая Миля и Серкл казались ему столицами. Он не только рос вместе со страной, — какова бы она ни была, он помог ее рождению. Он создавал ее историю, ее географию; и те, кто пришел после него, описывали его переходы и наносили на карту проложенные им тропы.

Герои обычно не склонны превозносить геройство, но даже отважные пионеры этой молодой страны, несмотря на юный возраст Элама Харниша, признавали за ним право старшинства. Никто из них не ступал на эту землю до него; никто не совершал таких подвигов; никто, даже самые выносливые, не мог тягаться с ним в выдержке и стойкости. А сверх того он слыл человеком храбрым, прямодушным и честным.

Повсюду, где легко рискуют жизнью, словно это всего-навсего ставка игрока, люди в поисках развлечения и отдыха неизбежно обращаются к азартным играм. Золотоискатели Юкона ставили на карту свою жизнь ради золота, а добыв его, проигрывали друг другу. Так же поступал и Элам Харниш. Он по натуре был игрок, и жизнь представлялась ему увлекательнейшей игрой. Среда, в которой он вырос, определила характер этой игры. Он родился в штате Айова, в семье фермера, вскоре переселившегося в Восточный Орегон, и там, на золотом прииске, Элам провел свое отрочество. Он рано узнал, что такое риск и крупные ставки. В этой игре отвага и выдержка увеличивали шансы, но карты сдавал всемогущий Случай. Честный труд, верный, хоть и скудный заработок в счет не шли. Игра велась крупная. Настоящий мужчина рисковал всем ради всего, и если ему доставалось не все — считалось, что он в проигрыше. Элам Харниш оставался в проигрыше целых двенадцать лет, проведенных на Юконе. Правда, прошлым летом на Ло-синой реке он добыл золота на двадцать тысяч долларов,

и столько же золота еще скрывалось под землей на его участке. Но, как он сам говорил, этим он только сквитал счет. В течение двенадцати лет он тратил свою жизнь — ставка немалая! А каков выигрыш? На сорок тысяч только и можно, что выпить и поплясать в Тиволи, проболтаться зиму в Серкле да запастись продовольствием и снаряжением на будущий год.

Старатели на Юконе переиначили старую поговорку, и вместо: «Легка пожива — была, да сплыла», у них она гласила: «Трудна пожива — была, да сплыла». Когда виргинская кадрили кончилась, Элам Харниш опять угостил всех вином. Стакан виски стоил доллар, за унцию золота давали шестнадцать долларов; на приглашение Харниша откликнулось тридцать человек, и в каждом перерыве между танцами он угощал их. Это был его вечер, и никому не дозволялось пить за свой счет. Сам Элам Харниш не питал пристрастия к спиртному, на виски его не тянуло. Слишком много сил и энергии отпустила ему природа, слишком здоров он был душой и телом, чтобы стать рабом пагубной привычки к пьянству. Зимой и летом, на снежной тропе или в лодке, он месяцами не пил ничего крепче кофе, а однажды целый год и кофе не видал. Но он любил людей, а на Юконе общаться с ними можно было только в салунах, поэтому и он заходил туда выпить. На приисках Запада, где он вырос, все старатели так делали. Он считал это естественным занятием для мужчины. Как можно иначе встречаться с людьми, он просто не знал.

Внешность Элама Харниша была приметная, хотя наряд его мало чем отличался от одежды других завсегдатаев Тиволи: мокасины из дубленой лосиной кожи с индейской вышивкой бисером, обыкновенный рабочий комбинезон, а поверх него — суконная куртка; длинные кожаные рукавицы, подбитые мехом, болтались у него на боку, — по юконскому обычаю, они висели на ремешке, надетом на шею; меховая шапка с поднятыми, но не завязанными наушниками.

Лицо худое, удлинненное; слегка выступающие скулы, смуглая кожа и острые темные глаза придавали ему сходство с индейцем, хотя по оттенку загара и разрезу глаз сразу можно было признать в нем белого. Он казался одновременно и старше и моложе своих лет: по гладко выбритому, без единой морщинки лицу ему нельзя было дать тридцати лет, и вместе с тем что-то неуловимое в нем выдавало зрелого мужчину. Это были незримые следы тех испытаний, через которые он прошел и которые мало кому оказались бы под силу. Он жил жизнью первобытной и напряженной, и об этом говорили его глаза, в которых словно тлел скрытый огонь, это слышалось в звуке его голоса, об этом, казалось, непрерывно шептали его губы.

А губы у него были тонкие и почти всегда крепко сжаты; зубы — ровные и белые; приподнятые уголки губ, смягчая жесткую линию рта, свидетельствовали о природной доброте, а в крохотных складочках вокруг глаз таился веселый смех. Эти спасительные свойства умеряли необузданный нрав Элама Харниша — без них он легко мог стать существом жестоким и злобным. Точеный нос с тонкими ноздрями был правильной формы; лоб узкий, но высокий и выпуклый, красиво очерченный; волосы тоже напоминали волосы индейца — очень прямые, очень черные и такие блестящие, какие бывают только у здоровых людей.

— Время-не-ждет времени не теряет, — усмехаясь, сказал Дэн Макдональд, прислушиваясь к хохоту и громким крикам, доносившимся из соседней комнаты.

— Погулять он умеет! Правда, Луи? — отозвался Олаф Гендерсон.

— И еще как! — подхватил Луи-француз. — Этот парень — чистое золото!

— Когда Господь Бог в день великой промывки призовет его душу, — продолжал Макдональд, — вот увидите, он самого Господа Бога заставит кидать землю в желоба.

— Вот это здорово! — проговорил Олаф Гендерсон, с искренним восхищением глядя на трактирщика.

— Очень даже, — подтвердил Луи-француз. — Выпьем, что ли, по этому случаю?

ГЛАВА 2

К двум часам ночи все проголодались, и танцы решили прервать на полчаса. И тут-то Джек Кернс, высокий, плотный мужчина с грубыми чертами лица, предложил сыграть в покер. После того как Джек вместе с Беттлзом предпринял неудачную попытку обосноваться далеко за полярным кругом, в верховьях реки Койокук, он вернулся к своим факториям на Сороковой и Шестидесятой Милях и пустился в новое предприятие — выписал из Соединенных Штатов небольшую лесопилку и речной пароход. Лесопилка была уже в пути: погонщики-индейцы везли ее на собаках через Чилкутский перевал; в начале лета, после ледохода, ее доставят водой в Серкл. А в середине лета, когда Берингово море и устье Юкона очистятся от льда, пароход, собранный в Сент-Майкле, двинется вверх по реке с полным грузом продовольствия.

Итак, Джек Кернс предложил сразиться в покер. Луи-француз, Дэн Макдональд и Хэл Кэмбл (которому сильно повезло на Лосиной реке), за нехваткой дам не танцевавшие, охотно согласились. Стали искать пятого партнера; как раз в это время из задней комнаты появился Элам Харниш под руку с Мадонной, а за ними, пара за парой, шли остальные танцоры. Игроки окликнули его, и он подошел к карточному столу.

— Садись с нами, — сказал Кэмбл. — Тебе сегодня как — везет?

— Малость везет! — весело ответил Харниш. Но Мадонна украдкой сжала его локоть: ей хотелось еще потанцевать с ним. — А все-таки я лучше потанцую. Не хочется мне вас обыгрывать.

Никто не стал настаивать, считая его отказ окончательным. Мадонна потянула его за руку, спеша присоединиться к компании ужинающих гостей, но Время-не-ждет вдруг передумал. У него не пропала охота танцевать, и обидеть свою даму он тоже не хотел, но его свободолюбие восстало против настойчивости, с какой она тянула его за собой. Он давно уже твердо решил, что ни одна женщина не будет командовать им. Хотя он и пользовался большим успехом у женщин, сам он не увлекался ими. Для него они были просто забавой, развлечением, отдыхом от большой игры, от настоящей жизни. Он не делал разницы между женщинами и выпивкой или игрой в карты и видел немало примеров тому, что куда легче отвыкнуть от виски и покера, нежели выпутаться из сетей, расставленных женщиной.

Харниш всегда подчинялся самому себе, и это было естественно для человека со столь здоровыми инстинктами; но при малейшей опасности оказаться в подчинении у кого-нибудь другого он либо давал сокрушительный отпор, либо обращался в бегство. Сладостные цепи, налагаемые любовью, не прельщали его. Ему случалось видеть влюбленных мужчин — он считал их помешанными, а душевные болезни нисколько не интересовали его. Но мужская дружба — это совсем не то, что любовь между мужчиной и женщиной. В дружбе с товарищем нет рабского подчинения. Это дело-вой уговор, честная сделка между людьми, которые не пытаются взять верх друг над другом, но плечо к плечу преодолевают и снежную тропу, и реки, и горы, рискуя жизнью в погоне за богатством. А мужчина и женщина гонятся друг за другом, и либо он, либо она непременно возьмет верх. Иное дело — дружба между двумя товарищами: тут нет места рабству. И хотя Харниш, обладавший богатырской силой, всег-

да давал больше, чем получал взамен, он давал не по принуждению, а добровольно, с царской щедростью расточая и труды свои, и сверхчеловеческие усилия. Вместе идти день за днем по горным ущельям, борясь со встречным ветром, или пробираться по тундре, отбиваясь от тучами налетающих комаров, нести поклажу вдвое тяжелей, чем поклажа товарища, — в этом нет ни неравенства, ни подчинения. Каждый отдает все свои силы. Это главное условие честной сделки между товарищами. Конечно, бывает, что у одного больше сил, а у другого меньше; но если и тот, и другой делают все, что могут, — значит, уговор не нарушен, главное условие соблюдено, справедливое соглашение действует ко взаимной выгоде.

А с женщинами не то! Женщины поступаются малым, а требуют всего. Только глянь на них лишний раз, и опутают тебя, привяжут к своей юбке. Вот Мадонна: зевала во весь рот, когда он пришел, а как только позвал танцевать — вся загорелась. Почему не потанцевать с ней; но он не один раз, а много раз приглашал ее, — и вот уж она сжимает его локоть, когда ему предлагают сыграть в покер, она уже предъявляет права на него; и если он уступит, конца этому не будет. Ничего не скажешь, женщина она славная — цветущая, хороша собой и танцует отлично; но только есть в ней это чисто женское желание заарканить его и связать по рукам и ногам, чтобы выжечь на нем тавро. Нет, уж лучше покер! К тому же Харниш любил покер ничуть не меньше, чем танцы.

Он не двинулся с места, сколько Мадонна ни тянула его за руку, и сказал:

— Пожалуй, я не прочь малость встряхнуть вас.

Она опять, еще более настойчиво, сжала его локоть. Вот они — путы, она уже пытается затянуть узелок. На какую-то долю секунды в Харнише проснулся дикарь: он весь был во власти смертельного страха и жажды крови; в одно мгновение он превратился в тигра, который, чуя капкан, себя не помнит от испуга и ярости. Будь он в самом деле дикарь,

он опрометью бросился бы вон из трактира или кинулся на женщину и растерзал ее. Но к нему тотчас же вернулась выдержка, накопленная поколениями, та способность обуздывать себя, благодаря которой человек стал животным общественным, — правда, несовершенным. Он подавил поднимающуюся в нем злобу и сказал, ласково глядя Мадонне в глаза:

— Ты пойди поужинай. Я не голоден. А потом мы еще потанцуем. До утра далеко. Ступай, милая.

Он высвободил свою руку, дружески потрепал Мадонну по плечу и повернулся к игрокам:

— Если без лимита, я сяду с вами.

— Лимит большой, — сказал Джек Кернс.

— Никаких лимитов.

Игроки переглянулись, потом Кернс объявил:

— Ладно, без лимита.

Элам Харниш уселся на свободный стул и начал было вытаскивать из-за пояса мешочек с золотом, но передумал. Мадонна постояла немного, обиженно надув губы, потом присоединилась к ужинающим танцорам.

— Я принесу тебе сандвич! — крикнула она Харнишу через плечо.

Он кивнул головой. Улыбка ее говорила о том, что она больше не сердится. Итак, он избежал опасности и вместе с тем не нанес слишком горькой обиды.

— Давайте на марки, — предложил он. — А то фишки весь стол занимают... Согласны?

— Я согласен, — ответил Хэл Кэмбл. — Мои марки пойдут по пятьсот.

— И мои, — сказал Харниш.

Остальные тоже назвали стоимость марок; самым скромным оказался Луи-француз: он пустил свои по сто долларов.

В те времена на Аляске не водилось ни мошенников, ни шулеров. Игра велась честно, и люди доверяли друг другу.

Слово было все равно что золото. Плоские продолговатые марки, на которые они играли, делались из латуни и стоили не дороже цента за штуку. Но когда игрок ставил такую марку и объявлял, что стоимость ее равна пятистам долларам, это ни в ком не вызывало сомнений. Выигравший знал, что каждый из партнеров оплатит свои марки тут же на месте, отвесив золотого песка на ту сумму, которую сам назначил. Марки изготавливались разных цветов, и определить владельца было нетрудно. Выкладывать же золото на стол — такая мысль и в голову не приходила первым юконским старателям. Каждый отвечал за свою ставку всем своим достоянием, где бы оно ни хранилось и в чем бы ни заключалось.

Харниш срезал колоду — сдавать выпало ему. Это была хорошая примета, и, тасуя карты, он крикнул официантам, чтобы всех поили за его счет. Потом он сдал карты, начав с Дэна Макдональда, своего соседа слева, весело покрикивая на своих партнеров:

— Припадайте к земле! Эй вы, лохматые, хвостатые, лопухие! Натягивайте постромки! Налегайте на упряжь, да так, чтобы шлея лопнула. Но-о, но-о! Поехали к нашей красотке! И уж будьте покойны, порастрясет нас дорогой, пока мы доберемся к ней! А кое-кто и отобьет себе одно место, да еще как!

Сперва игра шла тихо и мирно, партнеры почти не разговаривали между собой; зато вокруг них стоял содом — виновником этого был Элам Харниш. Все больше и больше старателей, заглянув в салун, застревали на весь вечер. Когда Время-не-ждет устраивал кутеж, никому не хотелось остаться в стороне. Помещение для танцев было переполнено. Женщин не хватало, поэтому кое-кто из мужчин, обвязав руку повыше локтя носовым платком, — чтобы не вышло ошибки, — танцевал за даму. Вокруг всех игорных столов толпились игроки, стучали фишки, то пронзительно, то глухо жужжал шарик рулетки, громко переговаривались муж-